

Анна
Новосельцева
Софья
Филистович



ВЗГЛЯДИЗ
ТЕНИ

16+

Анна Новосельцева

Взгляд из тени

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Новосельцева А. О.

Взгляд из тени / А. О. Новосельцева — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Не секрет, что на Земле испокон веков живут и работают не только люди. Демон Левиафан и голем Оле становятся обладателями книги запрещённых ритуалов, один из которых обещает возможность создать новый мир, собственную карманную Вселенную. Они загораются идеей провести ритуал и, утаив книгу от Ада, начинают свою игру. Но Ад не прощает ошибок, а игра требует жертв.

© Новосельцева А. О., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Примечания автора:	6
Часть первая. Голем.	7
1	7
2	9
3	10
4	11
5	12
6	13
7	15
8	17
9	18
10	19
11	21
12	24
13	26
14	28
15	30
16	32
17	34
18	37
19	40
20	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Анна Новосельцева, Софья Филистович

Взгляд из тени

Взгляд из тени

Примечания автора:

Отредактированная версия. Некоторые имена изменены.

Часть первая. Голем.

1

Как правило, вызов на ковёр к начальству ничего хорошего не сулит. Лишняя работа, выговор, увольнение – мозг успевает нарисовать тысячи разных неприятностей буквально за секунду. Это происходит, даже если ты демон. И даже если в Аду едва ли когда-нибудь водились ковры.

Левиафан стоял перед троном, заложив руки за спину и непринуждённо улыбаясь уголком рта. Не то чтобы он считал свою улыбку уместной, но гордость не позволяла демонстрировать даже лёгкое волнение. В конце концов, что есть у рядового демона из отдела природных катаклизмов, кроме гордости?

Но, услышав приказ, удивление скрыть он всё же не сумел:

– Мне? Идти наверх, работать в человеческом облике? И для этого меня сейчас вытащили из океана?

– Да, – резко бросил Вельзевул, постукивая когтями по костяному подлокотнику. – Люди заполняют землю. Их слишком много, а искусителей мало, чтобы оставить тебя просто топить корабли. А после предательства Абаддонны...

Левиафан восторженно хохотнул:

– Вот это да! А мне, выходит, можно верить?

– Я не верю, – рявкнул Вельзевул. – Тебе – нет. Я верю в твой инстинкт самосохранения и отсутствие совести, Левиафан. А сейчас это всё, что нужно. Ты официально переведён в другой отдел. Вопросы?

Левиафан задумчиво потер подбородок и украдкой оглядел помещение. Стены, как и потолок, сплошь покрывали адские символы, вытесанные скорее ради внушительности, нежели ради пользы. По каменным узорам бежали потоки иссиня-чёрного огня, он же пылал в стоящих по углам чашах, но несмотря на это, холод здесь царил невыносимый. Хотелось кивнуть и уйти, тем более что работа с людьми – совсем неплохая перспектива.

Однако соглашаться, не набив себе цену, было нельзя.

– На Земле опасно, милорд. Инквизиция, все дела... Не хотелось бы оказаться там без защиты...

Вельзевул смерил его хмурым взглядом. Левиафан демонстративно расслабил плечи. Он прекрасно знал, какое впечатление производит сейчас: ехидный, изворотливый, отвратительно уверенный в себе. Но ещё он был неглуп и знал, что терять работников милорд не любит.

– Напарника не дам, – буркнул Вельзевул. – Бери голема. Любого, какой нравится.

Левиафан оскалился и поклонился. Говорить слова благодарности здесь было запрещено. Впрочем, он её и не испытывал.

По счастью, нужные помещения располагались недалеко. Левиафан миновал несколько этажей, специально выбирая наиболее безлюдные коридоры, и нашёл мастерские. Услышав имя Вельзевула, стоящий у входа демон сразу отодвинулся, открывая нужный проход.

Големы стояли у стены длинной неподвижной вереницей. Левиафан медленно шёл вперёд, скептически вглядываясь в лица. Големы были почти одинаковые, различаясь лишь деталями – у кого-то волосы чуть темнее, у кого-то нос кривоват, у кого-то неровные ключицы. Их клепали партиями для разных местностей, оживляли и брали наверх для работы.

Послушные. Старательные. Не очень умные. Неспособные на обман. Левиафан раньше никогда не работал с големами.

Одно лицо привлекло его внимание, и он взмахнул рукой, оживляя голема. Тот вздрогнул и шагнул вперёд, открывая глаза. Голубые. И лицо приятное, простое, наивное. Такому можно доверить спину, такого можно бросить на верное уничтожение...

– С пробуждением, – неуверенно произнёс демон, припоминая слова вербовки. – Я, эм... Я – Левиафан, твой господин, и ты будешь служить мне отныне и до последнего вдоха.

Голем плавным движением опустился на колено, склоняя русоволосую голову. Левиафан поморщился. Никогда ему не нравились эти адские церемонии преклонения. Хотя в данном случае жест оправдан – иначе демону придётся запрокидывать голову при беседе.

– Разрешаю тебе говорить. Всё, что приходит в голову.

Голем поднял лицо:

– Как... как меня будут звать?

Левиафан удивленно вскинул брови. Обычно големы не задают вопросов. Бракованный? Впрочем, так даже интереснее.

– Оле, – подумав, сказал он. – Твоё имя – Оле.

2

Земля оказалась неожиданно приятной. Немного утомляла необходимость работать с людьми и менять имена каждые пару десятков лет, но, пожалуй, это того стоило. Левиафан жмурился, подставляя лицо солнечным лучам, вдыхая морской воздух. Любовался закатом по вечерам, смаковал хорошее вино. Дразнил людей, насылая на корабли иллюзии Летучего Голландца. Даже читал в свободное время.

– Сэр, – голем зашёл в каюту и кивнул, с весёлой улыбкой покосившись на человека у входа. Оле почему-то забавляло всё то, что так бесило демона – смена имён, необходимость конспираций перед смертными. Ну как ребёнок, честное слово. Левиафан невольно улыбнулся в ответ и кивком отпустил часового. Голем тут же плюхнулся напротив и протянул руку к блюду с фруктами.

– Какой план? – с набитым ртом поинтересовался он.

– План, пла-ан... – протянул Левиафан. – Да ну их. Будем импровизировать. А сегодня просто отдохнём.

Отдохнуть не вышло. Буквально через час по кораблю открыли огонь, и завязалась очередная схватка с испанцами. Встрёпанный и злой, Левиафан вылетел из каюты и вскинул было ладонь, собираясь утопить наглого противника, но...

Нельзя. Столько потенциальных убийц, столько душ для Ада. Да Вельзевул прибьёт его, останови он бойню. Левиафан заскрипел зубами от досады.

– Берегись! – кто-то налетел на него, сбивая с капитанского мостика и накрывая своим телом. Ядро пробило обшивку, рядом взлетели щепки.

– Оле, чтоб тебя! – рявкнул Левиафан, сообразив, чей именно мундир сейчас нависает над ним. – Ты что творишь?

– Ты же чуть не погиб, – растерялся Оле, чуть ли не впервые обратившись к Левиафану на «ты» и встревоженно уставившись на него этими огромными глазами. Интересно, это стандарт или тоже результат брака... И тут до Левиафана дошло.

Чёртов Оле спасал его. Его. Бессмертного.

Идиот.

– Никогда больше так не делай, – сквозь зубы велел Левиафан, поднимаясь и подхватывая Оле за плечо. – Ты мог погибнуть. Исчезнуть. Понимаешь? У тебя даже души нет, не умеем мы их создавать.

– Но лорд Вельзевул говорил, что големы должны защища...

– Здесь я решаю, что ты должен, а не лорд Вельзевул, – рявкнул Левиафан. – А я запрещаю тебе умирать. Понял?

Оле не успел ответить – враги как раз пошли на abordаж, и он вместе со всеми кинулся отражать атаку. Левиафан обнажил свой клинок и пошёл следом, борясь с осознанием того, что вместо всей этой тирады ему хотелось просто сказать "спасибо".

3

Пламя трещало, расплзаясь по обломкам зданий, которые мэ́р приказал рушить слишком поздно. Люди голосили, старались потушить дома водой, и даже по самым скромным подсчётам количество погорельцев уже превысило семьдесят тысяч человек. Хотя откуда там столько, если в Лондоне и живёт-то всего...

Левиафан попытался сфокусироваться, чтобы пересчитать людей заново. В ответ Лондон почему-то раздвоился и поменял форму. Оле за спиной пошатнулся и ухватился за дерево, пытаясь встать:

– Кто... – невнятно проговорил он, – кто из нас виноват?

– Ты, конечно, – миготом отреагировал Левиафан. – Я не бываю виноват.

Оле покладисто кивнул. Снова пошатнулся, чуть не свалившись на Левиафана. Тот хотел отстраниться, но почему-то не стал и только осторожно вытянул руку, поддерживая голема. Хорошо ещё, сюда никто не смотрел.

– А как это вообще получилось? – снова пробормотал Оле.

Левиафан сделал усилие, чтобы сосредоточиться.

– Мы выпили, – чётко проговорил он. – Поехали в Лондон. Потом ещё выпили. Потом пошли в пекарню. Кажется, была драка.

– О, мы угнали лошадей! – вдруг оживился Оле. – И упали в Темзу! А потом делали лошади искусите... икусно... искусственное дыхание!

Левиафан поперхнулся:

– Не смей, подобной гадостью ты занимался без меня!

– Прости, – Оле сильнее навалился на демона. От него несло гарью. – Потом какой-то ребёнок хотел проткнуть меня кухонным ножом.

– Девушка. И ты сам её напугал, когда полез в окно.

Оле притих, видимо, обдумывая эти сведения. А Левиафан смотрел на пылающий город и медленно трезвел, понимая, что совершенно не помнит, было ли у него разрешение на уничтожение целой столицы.

– Оле, – аккуратно произнёс он, – это мы подожгли город?

Оле пожал плечами. Значит, точно они.

– А ты случайно не помнишь, зачем?

К его удивлению, Оле закивал:

– А то, помню отлично! Мы его чистили!

– Мы его... что?

– Ну, у них на улицах грязно было! И трупы!

Левиафан схватился за голову. Если своим вмешательством они уничтожили активный источник чего-то плохого, то...

Додумать эту мысль он не успел. На земле зажёгся алый круг – портал срочного вызова в Ад. Левиафан резко отодвинулся, посмотрел на Оле и неумело щёлкнул пальцами, стараясь протрезвить его. Это он ещё умел плохо. Триста лет на Земле – не чета искусителям-старожилам. Оле слегка позеленел и поднёс руку ко рту в явном стремлении сдержать приступ тошноты. И Левиафан от души понадеялся, что попытка будет успешной.

– Запомни: говорю я. Никаких пьянок не было. Никакой уборки трупов, иначе трупами станем мы. В пекарне упала свечка. Это мой план по разрушению лондонской экономики и социального благоустройства, понял?

– Понял, – Оле неуверенно улыбнулся. – Мы разрушили Лондон?

– Не мы, а я! И вообще, – Левиафан за рукав втащил его в круг, – ты не открываешь рот. Просто киваешь.

4

Левиафан смотрел на похоронную процессию, разумно держась подальше от крестов, и вид имел самый расстроенный. Нет, не то чтобы обладатель тела был ему так уж особенно дорог. Просто обидно терять перспективных клиентов.

– Да когда он успел-то, я же буквально вчера заходил...

– Месяц назад, – любезно уточнил Оле. – Ты забываешь, смертные постоянно умирают.

Нужно жить в их ритме.

– Ну этот-то с чего?

Оле пожал плечами:

– Да кашлял, кашлял и умер. Здесь это сплошь и рядом.

Левиафан изменился в лице.

– Я... пожалуй... пойду руки помою, – пробормотал он, бочком двигаясь к переулку. Оле двинулся за ним, хихикая в кулак. Узнай кто в Аду, что бессмертное существо, Зло в чистом виде, боится эпидемий...

– Я не боюсь, я ненавижу, это другое, – Левиафан агрессивно покосился на Оле. – Если ты кому-нибудь вякнешь...

– Не вякну, ты же запретил, – улыбнулся Оле без капли страха. – Это не чума, не стоит так переживать.

Левиафан скорчил рожу. Чума была мерзостью – язвы, трупы, антисанитария... Он подумал об Апокалипсисе, где ему, как и всем, придётся лицезреть всадника лично, и содрогнулся.

– Мне нужно выпить, – пробормотал он, сворачивая к кабаку. Или как там они сейчас называются. – Ты со мной, Оле?

– Только с тобой, – кивнул голем.

Вряд ли он мог ответить что-то другое. И всё-таки каждый раз это было приятно.

5

– Нет, ты надо мной издеваешься, – Левиафан держал в руках две баночки крема и мрачно смотрел на упаковки.

Они стояли посреди людного пляжа, на одном из самых популярных островных курортов. Над головой торчал яркий полосатый зонтик, заслоняющий демона и голема от палящего солнца, совсем рядом шумело море, маняще призывая окунуться. Мимо с визгом промчался чей-то ребёнок, затянутый в спасательный круг, и почти сразу вслед за ним бросились сразу три женщины.

– Крем от загара и крем для загара? – Левиафан поднял руки и потряс тюбиками, чуть не стукнув голема по носу. – Позор на мои рога и крылья! Или, проще говоря, ты вообще понимаешь, что только что закопал логику и поставил над ней могильный камень?

– Люди их используют, – возмутился Оле. Он почти упирался макушкой в зонтик. – Сам посмотри, они у всех на пляже есть, без них лучше под солнце вообще не соваться!

– О, неужели? Где-то я такое уже слышал. И это – мой напарник, ради всего нечистивого, если уж очеловечиваешься, так хоть давай не в худшую сторону!

Оле закатил глаза и схватил Левиафана за руку:

– Пошли уже купаться, а? Ты обещал попугать сёрферов и покатать нас на гребне волны.

– Я демон и выполнять обещания не обязан, – буркнул Левиафан, идя за големом. – Отпусти руку, на нас люди смотреть будут!

Оле быстро разжал пальцы. Вечно он забывает, что с их полом и внешностью так по миру ходить не следует.

6

Им пришлось снова переехать. Заиметь новые документы, жизни, легенды. Окна квартиры выходили на институт, и демон неожиданно подумал – почему бы нет? Это весело, и возможностей для искушений ничуть не меньше.

Так что теперь в излюбленном студентами кафе сидели двое третьекурсников, один из которых с энтузиазмом размахивал руками, пытаясь доказать теорию мультивселенной и совсем позабыв про остывающую жареную картошку, а второй улыбался, потягивая чай. Хорошее было кафе, жаль только, церковь стояла через дорогу.

И тут, после очередного хлопка двери, по помещению разнёсся весёлый свист:

– Кого я вижу!

Левиафан обернулся, на глазах меняясь в лице. Если и было на свете что-то, что он ненавидел по-настоящему, так это встречать своих коллег на Земле. Никто не обратил особого внимания на парня в широкополой шляпе, растянутом свитере, с торчащей за спиной укулеле. Ещё бы – смертные не могли увидеть полыхающий в глубине зрачков иссиня-чёрный огонь.

Бродяга вразвалочку приблизился, и Оле поспешил встать, освобождая стул. Незнакомец оскалился, плюхаясь на тёплое коричневое сиденье:

– Го-одемчик. Какой хороший. Дрессированный.

– Не трогай его, – напряжённо сказал Левиафан. – Оле, отойди.

Оле повиновался – быстро, без споров, он давно научился чувствовать настроение Левиафана. Новоприбывший задумчиво смотрел ему вслед.

– Знаешь, у нас Внизу уже легенды ходят. О тебе и твоём големчике. Мало кому из них удаётся протянуть так долго, ты уже сто раз мог его развеять и взять замену... Необычно. Вы с ним...

Демон ухмыльнулся, и Левиафан внезапно испытал острое желание свернуть его тощую шею. Этот был из высших. Настолько силён, насколько же и безумен. Неизвестно, как Аду удавалось держать его в узде – и удавалось ли вообще – но он целыми днями шатался по Земле в образе безумного бродяги, не менял одежду годами и при желании мог щелкнуть пальцами и испепелить этот город с Левиафаном впридачу. Никто не знал точно, чем он занят и какие цели преследует. Точно так же, как никто не помнил его настоящего имени.

– Вик, – демон расплылся в отвратительной улыбке. – Сейчас я Вик. Для всех.

Левиафан чуть вздрогнул и торопливо закрыл сознание. Он так долго общался лишь с Оле и людьми, что совсем позабыл о ментальной защите.

– Брось, не надо меня бояться, – Вик потянулся через стол, завладевая чужой тарелкой. – Я пришёл поболтать. Тем более такая тема интересная – создание параллельных пространств, изменение прошлого, то да сё...

– Это невозможно, – неохотно ответил Левиафан, отпив чай. – Смертные давно уже это доказали.

– Смертные! – фыркнул Вик, отвратительно чавкая картошкой. – У них нет магии, их мир скуден и ограничен.

Левиафан вспомнил адские катакомбы. Называется, верх прогресса...

– А я как раз кое-что нашёл на эту тему, – Вик шлёпнул на стол потрёпанную книжицу. – Кто-то из наших, Мефистофель вроде, подарил её одному из смертных при заключении договора. Ну, тот, конечно, сделать с ней ничего не смог, а валяться без присмотра такой вещи негоже.

Левиафан брезгливо посмотрел на книгу, но, переселив себя, всё же взял её в руки. Открыл, перелистал страницы, взглядываясь в схемы, руны и магические знаки.

– Тут такие ритуалы, закачаешься, – Вик перегнулся через стол, ткнув грязным пальцем в строчку. – Перо ангела, шерсть зверя... На пентаграмму-то посмотри, она трёхступенчатая! А тут, кажется, вообще святая вода. Да такое сочетание Вселенную разнесёт!

– Но результат... – пробормотал Левиафан, зачарованно уставившись на руны. Создание нового мира. Новой реальности. Абсолютное господство. Чистый лист – и весь твой...

– Да, результат почти тот же, которого добивался старина Люци. Недостижимый.

Отчего же? Может, просто никто не пробовал?..

– И что... что ты собираешься делать с книгой? – осторожно спросил Левиафан.

– Уже раскатал губу? – подмигнул Вик. – Нетушки. Меня с самого Низа попросили вернуть её на родину, извиняй.

Он замолк и бесцеремонно выхватил у Левиафана из рук стакан с остатками чая. Тот даже не возражал. Он напряжённо думал. Если книгу заберёт Вельзевул или кто-то вроде, ему её больше не видать. Вика не купить, не уговорить, не зная, что у него на уме. Отобрать силой? Да Вик превосходит его как минимум на три уровня!

Однако Вик – демон... А все демоны боятся одного...

– Ладно, дружок, некогда мне тут с тобой, – Вик встал, нахлобучивая шляпу и протягивая руку к книге. – Бывай.

Но Левиафан сжал томик крепче:

– Помилуй, друг, зачем же так спешить? – заискивающе улыбнулся он, концентрируясь на заклинании. Его мысленный взор облетел близлежащие улицы. Хоть бы повезло, хоть бы...

– Может, договоримся? Присядь, я возьму тебе что-нибудь.

Вик насмешливо поднял брови. Его образ расплывался, Левиафан напряг все мышцы, готовясь к броску. И в следующую секунду водитель ближайшего грузовика потерял управление.

Когда громящая машина влетела в кафе, разбивая витрины, опрокидывая столики, заставляя людей с воплями кинуться врассыпную, Левиафан был готов. Рвануть книгу на себя – толкнуть Вика на путь грузовика – и послать грузовик прямо в сторону храма, вложив в этот бросок всю свою мощь...

Ни один демон, будучи застигнутым врасплох, не выживет на освященной территории. Ни один. Даже Вик.

– Леви! Леви, что это было? – по обломкам к нему кинулся Оле. Вокруг голосили люди, скорее испуганные, чем пострадавшие, кто-то звонил в полицию и скорую...

– Ничего, мы уходим, – он сунул книгу под куртку. Руки дрожали, а где-то глубоко зарождался кашель, ведь для заклинания силу пришлось черпать из самой своей сути – к Аду не взовёшь для уничтожения собрата. Но губы искажала довольная ухмылка – пыль рассеялась, а Вик так и не показался из-под обломков. Это победа.

– Покойся с миром, – Левиафан выдавил смешок. – Друг.

7

– Нет.

– Но Ле...

– Я сказал, НЕТ! – рявкнул Левиафан, хватая Оле за локоть и разворачивая в обратную сторону от ларька с шаурмой. – Это чудовищная антисанитария, и ты не будешь это есть! Только через мой труп, не хватало ещё отравиться!

Оле душераздирающе вздохнул, отворачиваясь от источника соблазнительных запахов, плюхнулся на ближайшую скамейку и достал телефон. Тёплые осенние дни подходили к концу, дул неприятный ветер, и скамейки по большей части пустовали. Занятый происходящим на экране, Оле не замечал, что Левиафан стоял рядом и сверлил его беспокойным, неуверенным взглядом. Демон плохо выглядел в последнее время, мало пил, мало внимания уделял работе, забросил даже любимые прежде детективные сериалы. Но сейчас Левиафан думал не о себе. Он смотрел на Оле.

Что бы ни говорили Внизу и Наверху, какими бы ни были остальные големы, Оле вовсе не казался ему безликой куклой, которой можно найти замену в любой момент. Неизвестно, что тому причина – обычный брак производства, долгие года жизни на земле, влияние самого Левиафана, но за столетия Оле умудрился стать ему... ну, да, другом. Не просто самым близким – единственным, кого вообще можно было так назвать. Можно бесконечно притворяться перед самим собой, но правда есть правда, и когда Вик обратил на голема свой хитро поблёскивающий взгляд, Левиафан испугался по-настоящему – не меньше, чем мог бы испугаться за свою шкуру.

Оле любил музыку. Любил море и солнце. Мог до ночи решать уравнения, которые им задавали в университете. Однажды спросил, а не могут ли они при следующей смене жизни и документов открыть арт-кафе. Оле был живым, что бы там ни думали остальные.

Кому же довериться, как ни ему?

– Оле, – наконец решился Левиафан. – Нужно поговорить.

Оле спрятал телефон и выжидающе выпрямился, сложив руки на коленях.

– Вернее... рассказать, – Левиафан глубоко вздохнул и потёр лицо ладонями, усаживаясь рядом. – С чего бы начать... Ты помнишь, как я убил Вика?

Глаза Оле стали тревожными – он не жаловал прямые убийства и знал, что Левиафан тоже предпочитает действовать чужими руками, а не пачкать свои. В конце концов, он искуситель, не легионер, и привык охотиться за душами, а вовсе не за телами.

– Из-за неё, – Левиафан достал обёрнутую в пакет книжицу и положил голему на колени. – Это ключ. Ключ к другой жизни.

Оле открыл книгу и, нахмурившись, перелистал.

– Создание мира?

– Не совсем! – Левиафан возбужденно взмахнул руками. – Реальность та же, но мы как бы открываем новое её окно, и в нём мы – абсолютная власть. Целый мир – и только наш, мы задаём правила игры! Никакого контроля Ада, никакой угрозы Небес, никаких эпидемий...

Левиафан подался вперёд, меняя голос на вкрадчивый. Разумеется, можно просто приказать. Но... так хотелось, чтобы Оле согласился сам. Демон он или кто?

– Я убил Вика не просто так. Наша адская верхушка – глупцы, они пытаются отобрать уже занятый трон, когда куда легче создать новый. Но... ты представляешь, что они сотворят с миром, попади им в руки эти схемы? Со своей страстью к бессмысленному разрушения? Они же не умеют отделять полезное и красивое от мусора...

Оле заворожённо смотрел ему в глаза. Левиафан понизил голос до шёпота:

– Да, то, что я предлагаю – опасно. Очень. Не дай... кто угодно, чтоб они прознали, чем мы тут занимаемся – тебя тут же развеют, а я пожалею, что сотворён почти бессмертным. Но подумай... Мы сможем сделать всё лучше. Для нас. Сохранить то, что понравилось в этом мире, и удалить в другом. Чистовик. Я бы не смог предложить это кому-то другому. Решай.

Оле улыбнулся и вдруг положил ему руку на плечо. Совсем просто, по-дружески, как равный, а не как слуга.

– Я уже всё решил, Леви, ещё в самом начале. Я с тобой. Только с тобой. Когда начинаем?

8

– Да нет же! – Оле перевернул листок вверх ногами и пришлёпнул рукой к стене. – Вот так! Это как пазл, смотри, края звёзд должны сходиться!

– Ненавижу пазлы, – пробормотал Левиафан, даже не пытаясь вспомнить, что это такое. Он же демон, ему положено ненавидеть.

Книжка оказалась чем-то похожа на университетские учебники (что заставило Левиафана в очередной раз убедиться, что науки смертных тоже могут быть полезны), но при этом намного сложнее. Ведь здесь речь шла о куда более тонкой материи. Малейшая ошибка в схеме, неправильное положение звёзд, неверно прочитанная буква – и вся затея к чертям. Так что работа продвигалась медленно. Демон и голем ночами корпели над книгой, по всей комнате были расклеены листочки с перерисованными схемами, которые Оле то и дело переворачивал, высчитывая, как провести ритуал максимально надёжно. Он вообще оказался незаменим, в том числе в расшифровке потускневших от времени рун.

Но самым сложным было даже не это. В тупик их ставили компоненты заклинания.

– Перо ангела... Шерсть... это что вообще за слово, волк? Шерсть волка? В таком сложном ритуале?

– Это не волк, последняя буква не сходится, – Оле постучал пальцем по руне. – А в конце что – жертвоприношение?

– Ага. Причём жертвой должен быть демон, – мрачно подтвердил Левиафан. – Вот же невезуха.

Оле посмотрел на него с испугом:

– Ты же не собираешься...

– Кто? Я? – Левиафан засмеялся. – Нет, что ты. Брось, голубчик, неужто не найдём адскую тварь, которую не жалко?

Оле улыбнулся с заметным облегчением. Поверил. Нет, Левиафан, конечно, не собирался жертвовать собой – кто тогда ритуал завершать будет? Но заманить на жертвенник другого демона будет не так-то просто...

Впрочем, проблемы стоит решать по мере их возникновения. И первой проблемой в списке стояло перо ангела.

Оставив Оле биться над загадкой последней руны в слове "волк", Левиафан взялся за схемы. Поймать ангела – уже сложно. Уговорить отдать перо – а силой его не забрать, таковы правила, – почти нереально, особенно учитывая, что прямую ложь ангел распознает. Значит, нужен кто-то послабее, помоложе. Кто-то, чьё исчезновение не взбудоражит Небеса, кого Левиафан сможет удержать в плену достаточно долго и кому можно запудрить мозги.

Что ж, ответ был очевиден. Эфемера – короткоживущие ангелы, созданные лишь для того, чтобы подпевать хвалебным хоровым песням. Им даже слов не давали, только припев. Левиафан ещё помнил этих ангелочков, маленьких, послушных, воодушевленно вытягивающих одни и те же ноты. Вечные дети. Нежные, чистые голоса. Лица, сменяющиеся так быстро, что никто не успевал их запоминать – год-другой, и вот уже слились с небесным светом, растворились в солнечных лучах. Никто не удивится, если одного не досчитаются сейчас.

Эфемеру он легко сможет удержать. И даже уговорить на перо – всего-то стоит завести разговор, что он-де тоже когда-то был ангелом. А ведь и правда был... Даже вспоминать странно.

Самое сложное будет крылатое создание поймать. Но он справится. Он должен. Правда?

9

Втроем в ванной было тесно. Оле присел на корточки, методично защёлкивая браслеты на руках жертвы, Левиафан же стоял рядом, сунув руки под холодную воду и стараясь даже не шипеть, хотя очень хотелось взвыть, а потом выругаться. Громко.

Всё-таки ловить ангела – то ещё удовольствие. И уж тем более – вылавливать его сразу у церкви, куда изредка отправляли Эфемер. Даже при том, что основную часть работы на себя взял голем, которому приближаться к святым местам было совсем не так опасно, одно прикосновение к ангелочку стоило Левиафану ожога обеих ладоней. Второй степени, если верить всезнающим справочникам смертных.

Зато теперь пернатое чудо лежало на кафельном полу, в узоре из нескольких пентаграмм. Вообще-то Левиафан понятия не имел, помогут ли они удержать ангела, но сейчас тот был без сознания – прикосновение демона оказалось неприятным для обеих сторон, пусть малыш и отделался обмороком. Пухлый, светловолосый, розовощёкий, со слегка приоткрытым ртом, сейчас он ничем внешне не отличался от обычного ребёнка – ни крыльев, ни сияния. На вид лет шесть, не больше.

– Готово! – Оле шумно выдохнул, выпрямился и сочувственно покосился на волдыри. – Очень больно, да?

Левиафан сцепил зубы и помотал головой. Жаловаться только не хватало...

– Сходи за людской одеждой. Он должен скоро очнуться.

Оле вышел, оставив Левиафана в компании бессознательного небесного чуда. Запястья ребёнка украшали сразу три тонких браслета – искусная вязь, приятный глазу металл. Браслеты Левиафан создал сам и очень этим гордился. Выточить нужные символы, напоить силой – и безделушки превратились в могучие артефакты. Они блокировали воспоминания, ангельские силы, скрывали энергетический след от других сверхъестественных существ. Правда, эти манипуляции дорого дались Левиафану – силу пришлось вновь зачерпнуть из себя, не из Ада, и теперь его мучил кашель. Не слишком сильный, но неприятный и почти постоянный.

Оле наконец вернулся и стащил с ангела тунику, заменяя их земной одеждой – футболка, трусы, штаны, ботиночки... Выходило это у него до того ловко, что Левиафан аж залюбовался. Будто всю жизнь детишек одевал!

– Блин, носки забыли... – расстроился Оле. – Как же его на босу ногу обувать?

Левиафан не успел ответить. Ангелочек пошевелился и открыл глаза. Сел, жалобно поморщился и взялся за голову. Посмотрел на мужчин напротив. Осторожно спросил:

– Вы кто?

Не боится, не плачет... Сразу видно, ангел.

– Привет, Филипп, – Левиафан лучезарно улыбнулся и незаметно шевельнул рукой, заставляя рисунок исчезнуть с пола. – Ты нас не узнаёшь? Это твой дядя. А я – его друг.

10

Дети – это ужасно. Ужасно. Цветы жизни? Только если венерины мухоловки. Или там плющ какой-нибудь ядовитый. Неудивительно, что их не принимают в Ад – без ангельского терпения вынести рядом эти вечно орудия ураганы невозможно. Хотя вот забавно, этот конкретный ребёнок сам является ангелом! У судьбы есть чувство юмора, определённо.

План сработал на «ура» – новоиспеченный Филипп ничего не помнил. Ему отвели свободную комнату, заранее обставленную так, словно тут всегда жил ребёнок, и бывший ангел тут же превратил её в настоящую обитель хаоса. Левиафан перестал туда заходить уже через неделю – валяющиеся по всей комнате игрушки вперемешку с книгами и дисками и носки без пары посреди стола вызывали у него стойкий нервный тик. Хорошо ещё Оле сам пылесосил и мыл пол в комнате, иначе Левиафан стал бы первым демоном в мире, скончавшимся от разрыва сердца. И вот откуда в нём это? Вроде на Небесах довольно аккуратно...

Впрочем, не считая этого, Филипп совершенно не доставлял им проблем: никаких детских истерик и капризов, хороший аппетит, нормальный сон. Он полюбил мастерить, часами сидел посреди деталей конструктора или наборов «Юный физик», в которых у него не было недостатка – Левиафану вовсе не нужно было, чтобы ангелочек заскучал и начал что-то подзревать. Впрочем, лично с Левиафаном он общался так, словно всё равно что-то подозревал, и это было даже немного обидно. Хотя чего он хотел, если возился с ребёнком только Оле, а он, Левиафан, даже ночевал порой в других местах?

Но сегодня Левиафан шёл домой в самом хорошем настроении. Он без проблем сдал отчёт о работе Внизу, посетил интереснейшую выставку новых технологий и выпил пару бокалов отличного вина в любимом ресторане. И даже купил подарок неугомонному чаду – наушники. Постоянно работающий музыкальный приёмник его порядком достал. Да, единственное, что оставалось в Филиппе от прежнего Эфемера – это неясная тяга к музыке. Услышав что-то, хоть отдаленно напоминающее мелодию, ребёнок замирал как вкопанный, а на лице проносилась, сменяя друг друга с каждой нотой, целая гамма эмоций.

– Может, отдать его в музыкальную школу? – робко предположил Оле, глядя, как мальчик сидит почти вплотную к колонке, покачиваясь и шевеля губами в такт песне.

– С ума сошёл? – резко ответил Левиафан. – Хочешь, чтоб он всё вспомнил? Музыка может преодолеть заклятье.

– Да я так... – пробормотал Оле и повысил голос: – Филипп, одевайся, если хочешь успеть в парк до закрытия!

Филипп что-то пробормотал, но послушно встал и пошёл к лестнице. Левиафан тут же крутанул тумблер, уменьшая звук:

– Вкус у него, конечно, – пробормотал он, морщась от барабанного боя и бодрой мелодии электрогитары. – Что-то не припомню такого на Небесах. Как называется эта группа?

– Аспер Икс, кажется...

Филипп уже прыгал через ступеньку – модная куртка, чистые ботиночки, кепка набедрень. Широко улыбнулся Оле, доверчиво протянул ладошку. Левиафан вновь поймал себя на мысли, что Оле удивительно хорошо справляется со своей ролью доброго дядюшки. Неужели ему правда нравится? Нравится возиться с ангелочком?

Иногда внутри покалывало что-то, подозрительно похожее на ревность. Глупо. Очень глупо. Стоит им собрать все компоненты заклинания, как нужда в ангелочке отпадёт. И никто из троих не будет об этом сожалеть. Ведь так?

Левиафан достал ключ и открыл входную дверь. Выудил из кармана коробочку, собираясь громко позвать Филиппа и вручить подарок, чтобы тот уже наконец перестал смотреть на него волчонком. И тут же чуть не выронил её на пол.

На стене напротив пылали ярко-алые буквы.

«Срочное сообщение. Всем демонам второго уровня и выше немедленно прибыть в Пандемониум. Дагону и Прозерпине – вооружить свои подразделения и быть готовыми к отправке. Остальным оставаться на месте, прекратить перемещения. Демоны, находящиеся на Земле, должны прервать миссии. По возможности окружите себя атрибутами защиты, не используйте магию и не выходите на улицы.»

Левиафан пару секунд тупо глядел на сообщение. Потом сорвался с места и бросился в гостиную:

– Оле! Оле, где ты?

Ему навстречу выскочил Филипп.

– Вы пришли! – возбуждённо завопил ангелочек. – А мы ждём! Дядя обещал, что вы расскажете про эти узоры!

Ребёнок возбуждённо тыкал в огненную надпись на стене. Левиафану потребовалась ещё пара секунд, чтобы сообразить – его заклинания хватило, чтобы ангел забыл енохианский, но не настолько, чтобы лишиться его истинного зрения.

За спиной мальчика показался виновато разводящий руками Оле. У Левиафана отлегло от сердца – живой... Но что за чертовщина тогда творится?

– А пока не расскажете, запретил гулять, – обиженно прибавил Филипп. Спohватившись, Левиафан наклонился к ребёнку и улыбнулся:

– Конечно, голубчик, расскажу. Сейчас...

Он легонько ткнул в курносый детский нос, и мальчик плавно осел на пол, закрывая глаза. Оле едва успел поймать его, не дав удариться головой о кафель.

– Когда проснётся, решит, что это был сон, – Левиафан закашлялся и опёрся рукой о стену. Каждое заклинание, направленное на ангелочка, он творил своей силой, чтобы не засветиться в Аду. Оле с тревогой придержал демона за плечо:

– Ты в порядке?

– Как всегда, – прохрипел Левиафан, вытирая рот полотенцем и пытаясь избавиться от навязчивого ощущения, что однажды просто выплюнет лёгкое и не сможет его нарастить.

– А что случилось в Аду?

Левиафан махнул рукой, стирая сообщение со стены, и потянулся к телефонной трубке:

– Вот сейчас и узнаем. Отнеси пока ребёнка наверх.

Когда Оле со спящим Филиппом на руках покинул комнату, Левиафан торопливо набрал знакомый номер и поднёс трубку к уху:

– Маммон? Да, да, сообщение. Это ангелы? Да брось, я же всё равно узнаю. Что-что? Люди?!

Он достал из кармана ручку, торопливо царапая что-то на столешнице:

– Штутгарт? Это в Германии, да? Да нет, далеко. Конечно-конечно, без нарушений, я не самоубийца. Ага.

Левиафан сбросил вызов. Задумчиво посмотрел на криво выведенные на дереве координаты.

– Что ж, прогуляемся, – пробормотал демон.

Он встал посреди кухни, раскинул руки и спустя мгновение мягко провалился в пол.

11

Будем честны – Левиафан знал своих коллег плохо. Он не питал к ним ни тёплых чувств, ни даже рабочей солидарности, и, разумеется, ему платили тем же. Будь он параноиком, даже заподозрил бы, что сообщение на стене было какой-нибудь пакостью, шуткой или ловушкой. Вот только Маммон, руководитель искусителей, был действительно напуган, а после стольких лет жизни на свете – или во тьме – трудно испугаться чего-то по-настоящему.

Люди. Охотники на демонов, как сказал Маммон. Это удивляло едва ли не больше всего – Левиафан никогда не считал их хоть сколько-нибудь серьёзной угрозой. Представители данной профессии казались грозными и крутыми лишь в кино, а в жизни все, желающие повторить выдуманную славу, на поверку оказывались просто-напросто ничтожествами, с которыми было так весело играть, прежде чем прикончить по-настоящему. И тут – бойня... По словам Маммона, они еще даже не успели подсчитать погибших, и Левиафан терялся в догадках. Если охотники на демонов умудрились объединиться в сколько-нибудь функционирующий отряд или, чем доброго, набрали армию, о таком лучше узнать из первых рук. В смысле – из своих.

Вот почему Левиафан сейчас стоял возле прежде роскошного здания, которое, видимо, было то ли консерваторией, то ли очень дорогим рестораном. Невооруженным глазом можно было определить, что тут поработали как минимум автоматом, а как максимум – взрывчаткой. Под ногами хрустели осколки, само здание оцепили отряды полиции.

– Сэр, вы окружены! Выходите с поднятыми руками! – выкрикивал полицейский в рупор.

Сэр? Неужели уцелел всего один охотник? Или – тут Левиафана пробрала дрожь – он и был всего один?

Левиафан сощурился, просматривая здание. Отпечаток демонической энергии, человеческая аура, много боли, страха, смерти, запах крови... а это что? Он взгляделся повнимательнее... и в следующее мгновение проклял своё неумное любопытство, выгнавшее его из безопасного дома сюда, в эпицентр бойни.

В центре здания зиял открытый портал в Ад. Сложнейшая пентаграмма, которую черт... ангел знает где мог откопать смертный! И из портала этого вовсю валил дым. Левиафан учил физику и знал – точно такой же дым появится, если плеснуть на горячую сковородку водой. А для того, чтобы понять, какой именно водой можно плеснуть в открытый портал Преисподней, быть семи пядей во лбу не нужно.

Левиафан представил себе, что творилось Внизу, когда потоки святости внезапно выплеснулись на голову ничего не подозревающим демонам, и его замутило. Понятно, отчего руководство в панике...

И в это мгновение асфальт под ногами задрожал и вспучился. Люди испуганно заозирались, Левиафан попятился, чувствуя, как стремительно нагревается воздух. А из-под земли уже стремительно вырастали адские легионы.

Впрочем, легионы – это громко сказано, всего лишь пара отрядов. Причём если воины Прозерпины шли в ногу со временем и посему сейчас направляли на здание автоматы и гранатомёты, то подчинённые Дагона с их ржавыми доспехами и покрытыми старой засохшей кровью клинками словно вылезли из фильмов ужаса. Разумеется, люди по эту сторону здания с воплями бросились врассыпную. А по ту сторону – как раз пошли на штурм.

«Бардак», – подумал Левиафан, глядя, как легионы рассредотачиваются, готовясь к атаке. Самое время уйти, пока не привлекли к участию – с командующих очень даже станется поставить случайного демона под ружьё. С открытием порталов у Левиафана проблем не было, но... что-то мешало. Назовём это интуицией или простым любопытством, но Левиафана не покидало чувство, что, уйдя отсюда, он упустит нечто важное.

«Это важное может быть и плохим», – рассудительно напомнил здравый смысл. Почему-то голосом Оле. Ха, как будто Левиафан его когда-нибудь слушал!

«Я демон, у нас не бывает хорошего», – мысленно ответил он и, очертив круг рукой, открыл портал в здание – прямо в центральный холл.

Оказавшись внутри, он чуть было не выскочил обратно – подобных сцен ему не приходилось видеть уже лет пятьдесят. Всюду трупы, трупы, трупы... Мужчины, женщины, молодые, старые... Кто бы ни был нападавший, он положил всех. Пахло здесь просто отвратительно, а уж о том, сколько заразы можно подцепить от чужой крови, даже думать не хотелось.

Зато ситуация начала проясняться. Сколь бы мало Левиафан не интересовался жизнью в Аду, он знал, что у демонов, долго работающих на Земле, со временем появлялась дурная привычка устраивать сходки. Оле даже уговорил его показаться на таких сборищах пару раз, в самом начале времён, и это оказалось безумно скучно. Интересно, в какой момент шабаши превратились в подобные культурные с виду мероприятия?

– Да это не охотники на демонов, а гребаные психопаты, – пробормотал Левиафан, сканируя тела. Капли демонических сил перемешивались со следами самых обычных человеческих аур – убийца стрелял без разбору.

Морщась и прижимая ко рту платок, Левиафан перешагивал через тела. Ого, а вот и портал в Ад... аккуратно, по стеночке... Что он вообще планирует здесь найти?

В здание ворвались первые штурмующие, и Левиафан нырнул за колонну. Глупо. Надо валить. Он сделал ещё пару шагов, чтобы открыть себе больше пространства для правильного движения рук. Увидел открытую дверь, обрадовался, подошёл... и нос к носу столкнулся с человеком.

То, что это убийца, Левиафан понял сразу. Какой же он демон, если не признает такие души? Молодой парень, почти мальчишка, светловолосый, долговязый, ссадина на лице, кривой нос, который явно ломали не раз и не два. Он стоял полубоком, весь забрызганный чужой кровью, с безумными глазами, с автоматом наперевес. И демон даже не сомневался, что патроны там как минимум освященные.

Когда дуло и бешеный взгляд уткнулись в него, Левиафан инстинктивно попятился к колонне, подняв руки. И, прежде чем что-то сказать, крикнуть, позвать на помощь, сделал первое, что пришло в голову – скрыл энергетический отпечаток, маскируя его под человеческую ауру.

Он понятия не имел, что это сработает. Люди не видят энергию, и ни ангелы, ни демоны прежде не пытались прятаться от смертных. Но парень не просто так выплеснул ведро святой воды в адский портал...

Расчёт оказался верным. Человек опустил автомат.

– Послушайте, я ничего вам не сделаю, – быстро произнёс Левиафан. – Я... гм... добрый день. Я ищу свою сестру, вы её не видели? Такая славная девушка, две косички, а с ней ещё должен быть мой братец-придуток. Не видели их? Как вас, кстати, зовут?

Левиафан тараторил без умолку самым своим простодушным голосом и торопливо шарил глазами по стенам, окнам и фигуре парня, пытаясь понять, что ему делать дальше. И – вот странное дело! – с каждым его словом взгляд человека прояснялся, становясь всё более осмысленным.

– Возьмите, – вдруг надтреснуто произнёс он, разворачиваясь к демону всем корпусом. – Возьмите... его.

Левиафан прервался на полуслове и удивлённо захлопал глазами. На второй руке охотника наперевес болтался мальчишка. Самый обычный с виду – тощий, растрепанный и маленький, наверное, даже младше Филиппа. Забрызганная чужой кровью рубашка, разорванная у щиколотки штанина, мутные от ужаса глаза – едва ли он сейчас соображал хоть что-то из происходящего. И дрожащий вокруг ореол тьмы.

Облик ребёнка? Его обычно кто попало не использовал. Впрочем, даже если в обычные дни этот демон и стоял на пару ступеней выше Левиафана, сейчас он висел безвольной куклой и вряд ли смог бы помочь даже себе, не говоря уж о ком-то ещё.

– Я не могу. Ребёнка. Возьмите, – охотник настойчиво втолкнул малыша ему в руки, и Левиафан почти машинально взял. – Может, для него не всё потеряно. Если забрать его у этих тварей.

Убийца больно вцепился ему в руку:

– Обещайте, что он останется с вами!

– Да обещаю я, обещаю, – Левиафан вырвался и выставил перед собой мальчишку наподобие щита, медленно отступая к двери. В следующую секунду за спиной послышался грохот, и Левиафан вместе с ребёнком бросился на пол, позволяя пулям подоспевших союзников свистнуть над головой. Убийца, так и не назвавший Левиафану своё имя, рухнул рядом. На синей кофте расплылись тёмные пятна.

Мёртв.

12

Здание оцепили полосатой лентой. Выли сирены, толпились бесполезные уже машины скорой помощи, щёлкали камеры подросевших журналистов. И, разумеется, работали демоны, подчищая следы и неугодные всем воспоминания. Среди них изредка мелькали белые пальто и костюмы ангелов, и Левиафан инстинктивно морщился. Падшим всегда неприятно смотреть на ангелов – как и ангелам на них.

Он сидел неподалёку от здания и пытался отдышаться. Ему всё ещё мерещились дикие глаза человека напротив и пропитавший всё запах крови. Немыслимо – его напугал какой-то смертный! Левиафан покосился туда, где чуть в стороне от всех лежало накрытое тело убийцы.

– Вельзевул велел передать, ты молодец. Они внесут в личное дело твоё одиночное выступление против врага Ада. Что ты отвлек внимание на себя и дал нам время для атаки, – Дагон остановился рядом, затянулся сигаретой. Небрежно уточнил: – Цел, не зацепило?

Левиафан посмотрел на него снизу вверх. Разумеется, Дагону плевать. Он всегда был сволочью и лично Левиафана в начале времён изводил с особенным удовольствием. Схвати Левиафан освященную пулю, тот бы ещё и посмеялся.

– Что будет с ним? – спросил он вместо ответа, кивая в ту сторону, где Прозерпина и ещё несколько демонов столпились над выжившим на бойне пацаном.

– Ничего хорошего, – Дагон щелчком отправил сигарету на бордюр. – Его ранило, во-первых, а это минус половина силы. Теперь он даже слабее тебя. А во-вторых... он решил превратиться в ребёнка, и из-за этого произошёл сбой сознания. Отработанный материал.

– В смысле? – нахмурился Левиафан.

Дагон раздраженно вздохнул:

– Не тормози! Почему, по-твоему, в детей мало кто рискует обращаться и вселяться? Сознание быстро трансформируется, а он уже не реагирует на привычные заклинания и раздражители. Он будет считать себя ребёнком до конца времён.

Теперь Левиафан понял. В Аду не жалуют инвалидов. Выживший демон обречён.

– Поэтому здесь ангелы? – ядовито спросил он, кивая на очередное светлое пальто. – Добивать?

– Нет, – поморщился Дагон, – это из-за убийцы. Над ним когда-то экспериментировали наши – помнишь проект по массовому обращению людей? "Потоп-2"?

Левиафан кивнул.

– Вот он из подопытных. Не знаю, какой идиот такое упустил, но этот псих видит наши энергетические отпечатки. Судя по всему, всегда видел. И выводы соответствующие сделал. Да ещё там история какая-то мутная, вроде кто-то из наших его девушку к суициду склонил... На его счету и раньше были жертвы, а это... этот теракт он готовил не первый месяц. Ворвался, открыл огонь, потом взял одного, Робшана вроде, в заложники, заставил начертить портал в ад. Ткнул пару раз освященным ножом или брызнул водичкой, тот и...

– Можно без подробностей? – Левиафан нервно запахнул пиджак. Дагон смерил его насмешливо-презрительным взглядом, но заткнулся. И на том спасибо.

Левиафан встал, окинул окрестности взглядом. Вся эта возня продлится ещё долго, ему тут делать больше нечего. Дома ждёт Оле, да и Филиппу он наушники так и не отдал... Порыв холодного ветра взъерошил волосы, разметал дым над крышей, видимый одним только ангелам и демонам. И тут Левиафана осенило.

– Я хочу забрать мальчишку, – резко сказал он, всем корпусом разворачиваясь к Дагону. Тот моргнул:

– Чего?..

– Выжившего демона. Ты сказал, он никому не нужен. Пусть отдадут мне.

Несколько секунд Дагон тупо смотрел на него, а потом, видимо, решив, что понял, зло-
радно расхохотался:

– Какое благородство! Подбираем убогих? Что, узнал в нём себя, да?

Левиафан стиснул зубы. Это не должно его волновать.

– А хоть бы и так, – он скрестил руки на груди. – Вельзевул сказал, Ад выражает мне
признательность. Чего стоит отдать то, что уже никому не нужно, хотя бы в качестве награды?

Дагон сверлил его рыбьим взглядом и скалил зубы, нарочно выдерживая паузу:

– Хорошо-о, – наконец протянул он. – Твою просьбу передадут.

– Признателен, – сухо кивнул Левиафан. – Свяжитесь тогда со мной, будьте любезны.

В это время у него в кармане затрезвонил телефон.

13

– Просто невысказано! – Оле наматывал круги по гостиной. – Исчезнуть из дома! Без предупреждения! Да ещё и нарушая прямой указ Ада! Ангел тебя забирает, Леви, что там вообще произошло?!

Левиафан, расположившись на диване, кутался в плед, обнимал двумя руками стакан чая с лимоном и вяло морщился в ответ. Сил хватило только на то, чтобы ткнуть в пульт от телевизора, включая нужный канал.

– Число жертв теракта в Штутгарте возросло до тридцати человек...

Оле резко прервался, уставившись на экран. Камера скакала, крупным планом показывая всё то, что Левиафан недавно видел воочию – полуразрушенное здание, машины, тела, суетящихся людей...

– Бог ты мой, – прошептал Оле, совершенно забыв, что Левиафан запрещал ему произносить подобные слова. Не то чтобы ему жалко, но лучше не привыкать, чтобы потом при ком-то ещё не ляпнуть.

– Не Бог, Оле. Всего лишь человек, – Левиафан сделал ещё глоток и поставил стакан на подлокотник. – Как пацан, спит?

– Угу, – пробормотал Оле, не отрывая глаз от экрана. Съёмочную группу наконец-то пустили в здание, и сейчас все бурно снимали пентаграмму на полу и обсуждали «причастность сатанистов».

– Если б портал не закрыли, у вас была бы возможность убедиться, как вы неправы... Оле, ты чего?

Голем сел рядом. Протянул было руку, но тут же отдернул и осторожно спросил:

– Много погибло?

– Порядком, – Левиафан поболтал лимонную дольку ложечкой. – Ещё считают. Он же прямо вниз воды плеснул.

– Мне... мне очень жаль.

Левиафан молча уставился на него – на мягкие черты лица, тревожно сведённые брови, пятна зелёнки на руках (ангелочек Филипп и дня не мог прожить, не разодрав локоть или коленку). Лицо Оле дышало сочувствием, пальцы мяли край футболки, а глаза были такими... добрыми?

– Не стоит, – наконец ответил Левиафан и отвернулся. – Если честно, я ненавижу этот гадюшник. И всегда ненавидел.

Оле чуть шевельнулся, продолжая молчать – тем особым понимающим молчанием, которое ждёт правду и готово услышать её любой. Недооценённый талант, которым владеет малая часть живых.

Не отрывая взгляда от новостей, Левиафан тихо продолжил:

– Когда мы Пали... Жизнь изменилась. Появились новые правила, и они гласили, что выживает сильнейший. Вельзевул и все остальные – они не получили чин просто так. Они выгрызали власть, выбивали авторитет, поднимались по другим, как по ступенькам. Слабость в такой игре означала приговор, причем слабость в самом прозаичном смысле – у нас никогда не было равенства, один высший демон или ангел может уничтожить десяток таких, как я. Но знаешь, что было хуже? Оказаться слабым... и умным.

Левиафан смотрел на экран, где демоны и ангелы бродили среди смертных, и в глазах его плясали отблески адского пламени.

– Знаешь, как весело травить умников? Прямые убийства запрещались, конечно, Вельзевул издал этот указ в самом начале времён. Но в остальном... Внизу для каждого найдётся личный ад. Я не умел тогда молчать и кланяться кому надо. И вообще... медленно привыкал.

Левиафан коротко рассмеялся и с силой потёр лицо ладонями:

– Какие же они там ничтожества, ты бы знал! Для справки, самые мерзкие – инкубы и суккубы. Наверное, их бесило, что я считал этот уровень искушений отвратительно... примитивным. Но они мало что могли мне сделать, в отличие от остальных. Ты не подумай, я бы сражался, даже с целой стаей, но... Дагон, например, предпочитал влезать в голову, а с этим справиться получалось не всегда.

Левиафан почувствовал тёплую руку на плече и покосился на Оле. Голем неуверенно прокашлялся:

– Там, раньше... было лучше? – он кивнул на потолок.

– Небеса? – понял Левиафан. – Наверное. Но тогда и я был другим. Так что если ты про желание вернуться, то уже давно нет.

Он откинулся на спинку дивана, одним глотком допил остывший чай и спокойно закончил:

– Вельзевул отправил меня в океан, и гонка на выживание закончилась. Но я... я убил бы их всех, не моргнув глазом, если бы мог. Очень надеюсь, что сегодня сдох хоть один из тех ублюдков. И жаль, что не Дагон.

Они помолчали, и молчание это на удивление не было неловким или давящим. Рука Оле всё ещё лежала на его плече, и демон, всегда ненавидящий прикосновения, сейчас не испытывал никакого желания отстраниться.

– Хорошо, что ты рассказал, – подал голос Оле.

Левиафан чуть пожал плечами и поймал неуверенную улыбку в ответ.

– Знаешь, – заявил Оле, явно пытаясь подбодрить, – когда мы создадим свой мир, там никогда не будет ничего подобного. Или наоборот, мы их создадим, уничтожим, переиграем и снова уничтожим!

Левиафан фыркнул и закашлялся:

– Ох, Оле, пора тебе с компьютерными играми завязывать!

Голем с достоинством пожал плечами и заявил, что не видит разницы между созданием мира на экране и в объективной реальности. Левиафан хмыкнул, потянулся, сбрасывая плед, и вдруг сказал:

– Кстати о нашем проекте. Ты случайно не интересовался службами детской психологической помощи пережившим катастрофы?

– Детям с ПТСР? – удивился Оле. – А что?

На лицо Левиафана медленно напознала шkodливая улыбка – та самая, которая всегда выводила Оле из душевного равновесия.

– Ну, в целом ничего такого, голубчик. Просто скоро у нас появится новый ребёнок. И он будет не в себе.

Оле со стоном закрыл лицо руками, а Левиафан не выдержал и рассмеялся.

Как же хорошо, что его не подстрелили сегодня в этом Штутгарте. Ведь жизнь определённо была прекрасной.

14

– Давай повторим ещё раз, – Левиафан присел на корточки перед кроватью и взял руки ребёнка в свои. – Как тебя зовут?

Маленький, худой мальчишка в джинсах и тёмной рубашке не отрывал взгляд от пола. Аккуратная чёрная чёлка закрывала глаза, и Левиафан подумал, что, возможно, стоило его всё же подстричь. Ребёнок сглотнул и с усилием проговорил:

– М-м-меня зовут Оск-кар.

– Правильно, молодец, Оскар, – Левиафан чуть пожал холодную ладошку. – А меня зовут Леон. Что надо сказать?

Да, ребёнку он раз за разом называл своё фальшивое имя, то, что стояло в земных документах. Легенда не терпела недочётов, а Оскар должен был считать Левиафана человеком. Правда, обращение «дядя» он всё равно раз за разом пресекал: слышать подобное из уст другого демона было уже чересчур.

– Привет, Леон, – ребёнок поднял голову и чуть улыбнулся. Левиафан едва сдержал облегчённый вздох: работало. Динамика, пусть и слабая, но была.

Ненужного демона ему отдали буквально через пару дней, целого и даже относительно подлеченного, под аккомпанемент из насмешливых улыбок и ехидных шёпотков. Даже во взгляде Вельзевула читалось что-то, похожее на сожаление. Неудивительно – обидно терять перспективного работника, а сочувствующий демон определённо потерян. Но Левиафан легенду развеивать не собирался: пусть презирают, пусть считают слабохарактерным, зато подозревать ни в чём не будут.

Он поднялся на землю как герой, со спасённым ребёнком на руках. А вот дальше начались проблемы.

Ребёнок не говорил. Не реагировал на реплики, не помнил старого имени, не желал привыкать к новому, данному Оле (во многом лишь потому, что последней прочитанной големом книгой был сборник Оскара Уайльда). Забивался в угол, целыми днями смотрел в одну точку. Но гораздо хуже становилось, когда мальчишка устраивал истерики – в эти моменты сила, о которой он больше не помнил, выплёскивалась наружу и разрушала всё вокруг.

Демоны не ошиблись: его уровень эмоционального и интеллектуального развития действительно сравнился с уровнем ребёнка лет пяти-шести. Но зато демоны понятия не имели, каких вершин достигла человеческая психиатрия, а Левиафан имел, и по прибытии на Землю их уже ждала целая комиссия из пяти частных детских психиатров.

Левиафан и Оскар поселились в отеле – вести новоиспечённого ребёнка в дом, где жил Филипп, он не рисковал. Ангелочку пока что следует считать себя человеком с лёгкой амнезией, так что сводить их, не узнав, что творится в голове у демонёнка, было нельзя. К слову, Левиафан раз за разом спотыкался на слове «демонёнок», не зная, как называть Оскара даже мысленно – полноценным «демоном» уже язык не повернётся, но и детёнышей, как всем известно, у Падших не бывает.

Ладно, Оскар так Оскар. Главное, что отель был чистым, номер – огромным, Оле жил на соседней улице и мог забегать в гости, а психиатры не задавали лишних вопросов, глядя на щедро отсыпаемые суммы денег, который Левиафан буквально доставал из воздуха. Он представил Оскара как сына старого друга и рассказал трогательную историю о том, как семья отдыхала за границей и попала под удар террористов. О подробностях обычно слушать никто не хотел.

Так что каждый день Левиафан терпеливо водил Оскара в клинику и дежурил под дверью, чтобы вовремя в случае нервной вспышки погасить или сдержать выброс силы Оскара. Врачи за стеклом что-то говорили, рисовали, двигали по столу машинки и резиновых зверей,

на которых Оскар смотрел с тупым удивлением. Левиафан мысленно фыркал – откуда ему, адскому созданию, знать, как играть?

Через неделю Оскар заговорил – счастье, что устная полиглотность, которой обладали все потусторонние существа, у него не пропала. Ещё через три дня почти подружился с врачами. А потом Левиафана пригласили в кабинет, и на стол легла папка с рисунками.

– Мне очень жаль, – губы врача сложились в сочувственную гримасу, – но у ребёнка шизофрения. Галлюцинации, причём довольно агрессивные. И он уверяет, что это воспоминания.

Левиафан пролистал папку, где были быстрыми штрихами запечатлены знакомые ему демонические рожи, адские коридоры, пара пыточных устройств и – немного неожиданно – луна под гильотиной. И много, много пламени.

Что ж, ответ найден: Оскар помнит всё. Вопрос, как осознаёт эти воспоминания его деформированное создание? И как заставить его осознавать так, чтобы это было выгодно самому Левиафану?

Левиафан решил выждать. И, уложив Оскара спать – или, как минимум, в постель, он всё ещё не был уверен, спит тот по-настоящему или притворяется, ангелочек, например, притворялся долго, пока не научился – набрал Оле. Тот явился уже через десять минут.

– Не вижу проблемы, – голем уселся на диван и щелчком открыл банку с пивом. Левиафан пиво терпеть не мог. – Он же... м... идентифицирует себя как равного тем, кто находится вокруг? Как человека?

Левиафан покосился на соседнюю дверь и легким движением создал над диваном купол тишины – на всякий случай.

– Ну, я не спрашивал... вот так прямо. Но судя по всему, с этим проблем нет. Врачи сказали, что у него галлюцинации, а не мания величия.

– Ну вот и прекрасно! – Оле широко улыбнулся. – Ты всегда можешь убедить его, что это всё нереально. Страшные сны, бред высокой температуры, Хэллоуин... Он же теперь как ребёнок. Сколько ты поставил в документах, пять лет?

– И что? – Левиафан скептически выгнул бровь. – Дети тупые, по-твоему?

– Ну-у... – Оле поболтал банку. – Легковерные. А тебе он тем более верит, ты его спас.

Левиафан засмеялся:

– Да он даже не в курсе, от чего! Он не в себе был всё время после бойни в Штутгарте, Вельзевул сказал, никакого отклика на окружающих.

Оле серьёзно посмотрел на него:

– Но ведь это ты вытащил его тогда из здания. Ты забрал его из рук убийцы. Поверь, такое чувствуется инстинктивно.

Левиафан снова покосился на дверь. Почему-то стало не по себе: ведь если задуматься, он для Оскара куда более опасен. Убийца демонов планировал выжившего отпустить, отдать людям, и вместо этого вручил тому, кто положит его на жертвенный алтарь. Иронично. И мерзко.

Хорошо, что у демонов нет совести. И всё же говорить о гипотетической благодарности Оскара не хотелось.

Левиафан убрал купол и включил телевизор.

– Посмотрим кино? – миролюбиво спросил он.

15

Оскар чинно вышагивал по дорожке, крепко держа Левиафана за руку своей, затянутой в маленькую красную перчатку. В другой руке он сжимал палку с яблоком, покрытым толстым слоем карамели, и осторожно кусал.

– Дя... Леон, – позвал он. – А мы пойдём смотреть слона?

Левиафан с самым несчастным видом поднял воротник. Стояла осень, противная, сырая, и пусть даже он не мёрз, давящее серое небо наводило уныние. Впрочем, зато он мог надеть на себя и ребёнка перчатки и не ловить за это подозрительные и любопытные взгляды. Однажды у него даже спросили, не началась ли эпидемия. Разумеется, он сказал, что началась – чисто из вредности.

– Осенька, – сказал он самым терпеливым своим голосом, – ну зачем тебе слон? Что в нём интересного? Огромная серая глыба со шлангом на конце. И то, из шланга хотя бы людей поливать можно, а из слона никак.

Оскар хихикнул и мазнул карамелью по носу. Левиафан мысленно застонал и достал из кармана упаковку салфеток. Грех, конечно, жаловаться: Оскар безропотно соглашался ходить в душ по два раза в день, пользоваться антисептиком, менять одежду после первого пятна и, в отличие от того же ангелочка, даже вещи не разбрасывал. Но всё же, всё же...

Левиафан поднял голову и мельком просканировал тучи. Десять минут до дождя.

– Хм, Ося, как насчёт кинотеатра? – он потянул мальчика направо. – Там сейчас идёт какой-то фильм про животных. Про львов. Наверняка это веселее, чем слон.

Оскар был ребёнком покладистым. Он закивал.

Народу в кинотеатре почти не было – разгар рабочего дня всё-таки. Левиафан без проблем купил билеты, категорически отказался приобретать отраву в виде попкорна – да в конце концов, демоны чревоугодия за это премию не просто так получили! – и они прошли в зал, где Левиафан немедленно уткнулся в телефон. Осталось потерпеть пару часов, и его воспитательные обязанности на сегодня окончены, дальше пусть Оскар сам себя развлекает.

Фильм оказался не совсем про животных. Фактически, Левиафан вообще не понимал, зачем семейную драму и историю дворцового переворота поставили в подобные декорации. Ладно бы ещё мультик нарисовали, а тут фильм зачем-то сняли... Впрочем, Оскару, кажется, нравилось. Там даже мелькали его любимые слоны.

А потом случилось то, чего Левиафан опасался. Удивительно, что не в момент, где погиб лев-король и где традиционно полагалось рыдать маленьким зрителям, а в самом-самом конце, когда вернувшийся наследник и узурпатор вступили в безнадёжную, по мнению Левиафана, схватку. Ясно же, что «злодей» уже проиграл – допустил смуту в рядах львиной аристократии, позволил всем узнать о своем участии в убийстве брата, да и вообще, постарел и ослаб. Любят же люди верить в то, что их любимое добро всегда побеждает...

И тут кресла рядом затряслись. Едва заметный отпечаток демонической энергии ребёнка вспыхнул, заколыхался, и спустя мгновение зал наполнил грохот. Загорелся экран, лопнули пластиковые бутылка и вёдра у других зрителей. Взыла пожарная сигнализация.

Левиафан среагировал почти сразу. Вскинул руки, гася огонь, останавливая летящие кресла в воздухе. Люди с криками бросались к выходу, хватали на руки детей, рассыпая попкорн, а Левиафан, шипя, скручивал чужую силу, зажимая её в кольцо собственной и заставляя гаснуть.

– Оскар! – он перехватил тонкие запястья и чуть встряхнул мальчика. – Оскар, успокойся, ты нас угробишь! В чём дело, ангел тебя возьми?!

Да, орать на больного ребёнка неэтично. Да, это запретили все пять психиатров. Но дьявол, ему же ничто не угрожало! Львы с экрана ничем не напоминали штутгартский теракт и вообще не собирались нападать!

– Он-ни деру-утся, – прорыдал Оскар. – По-почему они... они же семья, как мы! Я не хочу, чтобы кто-то ум-мирал, не хочу, чтобы он его уби-ил, не хочу!

Левиафан так и сел – прямо на пол, позабыв о своих принципах насчёт гигиены. Мальчик захлёбывался, бился в истерике, а Левиафан смотрел на него и впервые в жизни не знал, что сказать, чтобы не матом.

Демон. Грёбанный обитатель Ада. Да, он слетел с катушек, лишился половины силы, всего самоконтроля, но превратиться в пацифиста, отрицающего убийства даже на экране?!

Ясно, почему в Преисподней его окрестили «отработанным материалом»...

Левиафан вздохнул, встал, отряхивая пиджак. Обработал руки антисептиком, молча поднял Оскара и пошёл к двери. Вокруг царил паника, всех спешно эвакуировали, и на мужчину с плачущим ребёнком на руках никто не обращал внимания.

Уже на улице Оскар вдруг шевельнулся и сипло спросил:

– Со мной что-то плохое, да? Это я... сломал кино? Я чувствовал это.

Холодные капли дождя падали на лицо – Левиафан опять забыл дома зонтик. Плавное покачивание должно бы убаюкивать, но Оскар смотрел широко раскрытыми глазами. Он ждал ответа.

И, по счастью, ответ для таких ситуаций был придуман детской писательницей давным-давно.

– Ты волшебник, Оскар, – Левиафан изо всех сил постарался сохранить серьёзное лицо. – И поверь, довольно хороший, если потренируешься. Вот придём домой, и я всё расскажу.

16

Когда сверху в очередной раз послышался грохот падающего тела, Левиафан не выдержал и встал.

– Да успокойся ты, – миролюбиво сказал Оле, звеня тарелками. – Дети просто играют. Новый взрыв визга и хохота огласил дом.

– Играют, как же, – процедил Левиафан и потёр виски. – Если твой Филипп его раздавит...

– Мой? И ты так говоришь, как будто Оскар – беспомощный котёнок, – хмыкнул Оле. – Видел бы ты, как он кусается.

Левиафан, по счастью, не видел. Сдав Оскара на руки Оле, он с немалым облегчением устранился от воспитательного процесса и теперь только наблюдал, потягивая чаёк.

– К тому же из них двоих именно у него осталась сила...

– Которую он не использует. Мы договорились.

Сказка о маленьком волшебнике зашла на ура. Оскар крайне воодушевился, когда его назвали особенным, и серьёзно принял все правила: контролировать эмоции (для этого Левиафан ознакомил его с дыхательной гимнастикой) и держать магию в тайне. Левиафан купил ему немного поттероманской атрибутики для реалистичности, а затем вполне по-настоящему стал учить управляться с теми стихийными крохами сил, что у него остались. Теперь, когда никого не было поблизости, Оскар с удовольствием практиковался – в основном в телекинезе, – а вот разносить всё подряд нервными вспышками перестал. И вообще казался самым обычным, вполне счастливым ребёнком. Левиафан был очень горд собой и доволен Оскаром: сделать из демона, которого считали безнадежным, прилично функционирующего члена общества!

Оле аккуратно вылил стакан молока в ковшик, включил плиту и полез в шкаф за манкой.

– Сколько раз тебе говорить, – утомлённо сказал Левиафан, – манку нужно варить в холодном молоке и снимать вскоре после кипения. Иначе будут комочки.

– Вообще-то, – с достоинством произнёс Оле, приподнимая ковшик с закипающим молоком и убавляя огонь, – я всю жизнь варю в горячем, и комочков никогда не было.

Он высыпал две ложки крупы в молоко и стал помешивать, другой рукой потянувшись за сахарницей.

– Живое противоречие законам природы, вот ты кто, – пробормотал Левиафан и щёлкнул пальцами, в очередной раз убирая из каши половину сахара. Честное слово, не будь дети особенными, голем давно наградил бы их лишним весом, испорченными зубами, а то и диабетом.

Послышался топот, и те, кто выглядели как обычные мальчишки, завалились на кухню.

– Дядя, привет! – Филипп помахал, схватил с тарелки печенье и поднёс ко рту. Но Оле молниеносно перехватил его руку:

– Ну уж нет! Сначала ты ешь кашу, а потом таскаешь сладкое. Оскар, тебя тоже касается.

– Ага, – Оскар кивнул, а потом посмотрел на Левиафана и смущённо улыбнулся. Ему он всегда улыбался отдельно, даже несмотря на то, что сейчас тот фактически скинул своего подопечного на голема. Неужели Оле прав, и что бы Левиафан не делал, после Штутгарта он всегда будет для Оскара особенным?..

Странное чувство. Не неприятное, но странное.

– Идите руки помойте, – буркнул Левиафан, отворачиваясь к окну. Филипп и Оскар наперегонки бросились в ванную, а он встал и пошёл в комнату – одеваться. Сегодня предстояло заглянуть в министерство образования и напакостить хорошенько, пока в Аду не решили, что он ничего не делает.

– Ангел и демон дружат... – бормотал Левиафан, перебирая пиджаки. – Уму непостижимо.

Мальчишки действительно сошлись на удивление быстро. То ли чуйка Филиппа не разобрала в покалеченном и ослабленном демоне врага, то ли что, но нового брата он принял очень дружелюбно, а Оскар после игр с «ровесником» ошутимо оживился и оттаял.

– Оскар не похож на демона, – мягко заметил Оле, появившись сзади и отразившись в зеркале. – Может, катастрофа пробудила в нём ангельское начало? Теперь они оба просто дети, и очень славные.

Левиафан, затягивающий галстук, подозрительно покосился через плечо.

– Не настоящие дети, – напомнил он, отодвигая Оле с дороги и проходя к выходу. Заглянул на кухню и добавил: – И кстати, я говорил, что ты готовишь слишком много? Они не доели бутерброды.

– Можно их выкинуть, – рассеянно пожал плечами Оле. На переносице у него залегла морщинка, которая всегда появлялась там в моменты сильного душевного смятения.

– Детей?

– Что? Нет, бутерброды, конечно!

Левиафан фыркнул и закрыл за собой дверь.

17

Левиафан пытался написать отчёт. Уже битый час как пытался, но все вокруг будто сговорились ему мешать. Конечно, некоторая доля проблемы заключалась в нехватке материала. Он уже две недели как работал только словами и картинками через интернет – едва ли в этой глуши возможно было найти не то что кандидатуру на искушение, а хоть одну живую душу на мили вокруг. Так и задумывалось, когда после первого же намёка на карантин Левиафан чуть ли не из воздуха извлёк дачу и перевёз туда всех четверых, включая себя. Ну и что, что никто из них не мог заразиться – охваченные эпидемиями города его уже достаточно травмировали за предыдущие столетия!

Так что теперь они были заперты на весьма ограниченном куске земли, не считая тех дней, когда Левиафан открывал портал в какой-нибудь супермаркет, чтобы голем мог пополнить запасы продуктов. В принципе, всё это, даже постоянное наличие под боком двоих детишек, было не так плохо. Детишки бывали даже милыми. Иногда. Когда не визжали так, как в эту секунду.

– С первым апре-еля! – подкравшийся сзади Оле нахлобучил ему на голову какой-то картонный колпак. – У тебя спина белая!

Хм. Пожалуй, насчёт двоих детей он погорячился. Пожалуй, детей тут всё же трое.

– Ну хоть не крылья! – фыркнул Левиафан, перемещая шапку обратно на голема и шелчком пальцев превращая её в противогаз. – Уйми мелких, будь так добр. Они уже час визжат.

Он выглянул в окно, где Оскар и Филипп бегали по двору, стреляя друг в друга из водяных пистолетиков. Ну да, погода в апреле не самая подходящая, но не могут же ангел и демон простудиться!

– Как? Опять мультиками?

– Вот уж не знаю, – хмыкнул Левиафан. – Открой «Гензеля и Гретель», прекрасное пособие по воспитанию. Хлеб у нас вроде есть, до леса километров пять... Надеюсь, первым съедят Филиппа.

– Ха-ха, очень смешно, – пробубнил Оле, пытаясь стащить противогаз. – А выбирать любимчиков среди детей, кстати, нехорошо. Вредно для их психики.

– О как. А новости, значит, их психике смотреть не вредно?

– Да я просто забыл переключить канал, сколько ты ещё будешь припоминать! – застонал Оле.

Голос его звучал совсем уж приглушённо, и Левиафан, вздохнув, сдёрнул противогаз:

– Я Оскара час успокаивал, чтоб лишний раз таблетками не пичкать, так что до конца твоих дней буду, голубчик. А в новостях полно наших работает, мог бы уже запомнить.

Левиафан превратил противогаз обратно в картонку и стукнул Оле ей по лбу.

– Марш гулять с детьми. Если я ошибусь в отчёте, мы пострадаем. Мы все.

– Я знаю, – Оле чуть посерьёзnel. – Не волнуйся. У тебя всегда получается.

– Без тебя знаю, – буркнул Левиафан, скрывая улыбку. – Иди. И имей в виду, следующую картонную шапку я превращу в кокошник и заколдую так, чтобы ты лет десять в ней ходил.

Вскоре дети притихли, и дело сразу пошло быстрее. Левиафан заполнил бумаги, не упустив ни одной запятой, а потом распечатал и превратил в необходимые свитки с печатями. Нести их завтра Вниз ужасно не хотелось, но куда деваться. Он достал из холодильника лимонад и ушёл на террасу – отдохнуть.

Оскар и Филипп вернулись через пару часов. В самом что ни на есть чудовищном виде – лохматые, расцарапанные, с иголками и травинками на одежде, комьями земли на ботинках... В довершение всего Филипп держал на руках кота.

Ну отлично. Кота. Домашние животные одичали настолько, что заполняют леса? И где шляется Оле?

Левиафан скрестил на груди руки:

– И что это? Очередной первоапрельский розыгрыш?

Филипп нервно улыбнулся, прижав к себе кота. Красивый, кстати, кот, серый, пушистый, и глаза почему-то разные.

– А где-е...

– Ваш дядя? – зубасто улыбнулся Левиафан. – Самому интересно. Придёт – убью, можешь поверить.

Мальчишки переглянулись.

– Ну дядя Лео-он... – заныл Оскар.

– Мы нашли его через дорогу! – тут же перебил Филипп, делая шаг вперёд. Переговорщик, тоже мне... Ну вот какие, к ангелам, могут быть переговоры? Не хватало ещё бездомных животных подбирать. А если, не приведи судьба, об этом услышит кто-нибудь Снизу? Да Левиафану потом для реабилитации как минимум войну устроить надо будет!

– ... он совсем один!

– И голодный, смотрите, какой худой!

– Мы уже имя придумали: Марк!

Левиафан вскинул руку.

– Минута, – ровно проговорил он. – Я даю вам минуту, чтобы это животное ушло и не вернулось. Иначе, клянусь, оно полетит со второго этажа.

Мальчишки осеклись. Левиафан ожидал, что они обидятся, надуют губы, начнут канючить, и был, в общем-то, готов. Но Филипп вместо этого наклонил голову и чуть сощурил синие, как у всех Эфемер, глаза.

– Но мы же ещё не спросили дядю, – медленно проговорил он. – Почему вы никогда его не спрашиваете? Он же наш настоящий родственник.

Вот гадёныш мелкий. Ладно же...

– Ну иди, спроси, малыш, – с обманчивой мягкостью произнёс Левиафан. – От твоей минуты осталось секунд сорок. А мы тут подождём, да, Осенька?

Филипп подозрительно уставился на него, явно удивляясь столь лёгкой победе, но потом сунул зверя Оскару и кинулся вниз по лестнице. Кот, оказавшись на руках у демона, тут же выразил свой протест отвратительным мяуканьем. Оскар попытался отодвинуть его от лица и чуть не упустил.

– Спокойно, дай сюда, – Левиафан аккуратно подцепил кота за шкуру. Оскар послушно разжал руки. – Скажи честно, милый, тебе разве так нужно это небесное творение?

– Ну... он пушистый, – Оскар неуверенно пожал плечами. – Только царапается. Но Фил...

– Ага. Так я и думал, – Левиафан поднял свободную руку, очертил в воздухе круг и швырнул животное в портал.

Оскар ойкнул и прижал руки к лицу. Кот приземлился посреди обеденного стола. В чужой квартире, на другом конце страны. Семья из четырёх человек застыла в ужасе. Интересно, насколько это ломает им мировоззрение?

– Всегда и всё решают взрослые, голубчик, – Левиафан пригладил Оскару волосы и брезгливо стряхнул с них иголки. Мальчик хлопал глазами и смотрел на бывшего Марка, невозмутимо лакающего куриный суп из чьей-то тарелки по ту сторону портала.

– А с ним всё будет хорошо?

– Пока не кончится суп, – серьёзно ответил Левиафан, закрывая портал. На лестнице слышались шаги, и демон прижал палец к губам:

- Тс-с. Молчи, – он сдержанно хихикнул. – Пусть поиграют в горячо-холодно. Или как там называется игра на поиск вещей?
- А... что подумает Фил? Ну, когда не найдёт?
- Что я съел кота, видимо, – снова фыркнул Левиафан. – Неважно. Судьба Марка – наш маленький секрет.

18

Он успел тысячу раз пожалеть о том, что выбрал своей последней целью именно министерство образования, когда официальный возраст мальчишек достиг шести и семи лет, и их стало возможным сдать в школу – обоих сразу. Теперь почти каждую ночь Левиафан наблюдал голема, скрючившегося за столом в кухне и перечитывающего задачник по математике. Через неделю он не выдержал:

– Ладно, я еще понимаю, дети не могут это сделать. Но ты, Оле? Тебе несколько сотен лет! Которые ты провёл рядом со лжецом, подлецом и интриганом!

– Во-первых, это действительно сложно, вот возьми и попробуй, – засопел Оле. – А во-вторых, не обзывай себя!

– Я лишь констатирую факт, – вздохнул Левиафан. – Дай сюда.

Он взял учебник, перелистнул на последнюю страницу и ткнул в надпись «Ответы». Оле вытаращил глаза:

– Ого! А как же способ решения? Без него оценку снизят.

Демон закатил глаза:

– Для этого есть ГДЗ. Мне ли учить тебя пользоваться гуглом? И потом, все эти оценки не имеют значения, – Левиафан отвернулся и достал из холодильника кефир. – Готовься лучше к ритуалу. Мы всё ещё не знаем, кем должен быть третий живой компонент.

Левиафан вышел, чувствуя, как взгляд Оле сверлит ему спину. Время поджимало. Вчера на их улицу ни с того ни с сего заявился Дагон – по его словам, проверить, не устроил ли демон-инвалид того, что можно было бы обозначить как «выход за нормативы вреда человечеству». Бред, конечно, инспекции проводили не так. Дело в другом: пригрев беспомощного, дав ему возможность жить, Левиафан выказал по меркам Ада слабость. А у этого явления есть и обратная сторона. Оно превращает их с Оскаром в мишени.

Впрочем, Дагон не успел ничего сделать. Левиафан как раз пятился, мысленно благодаря себя за идею отдать Оскара в школу, где демоны уж точно не стали бы его искать, когда Оле вылетел из дома и заслонил Левиафана собой. Да ещё и оттолкнул при этом Дагона, храбро, в лучших традициях кино заявив:

– Отвали от него!

Честное слово, на лицо Дагона в этот момент стоило посмотреть. Пожалуй, только от шока он не испепелил голема в первую же секунду. А во вторую его занесённую руку уже отбросил невидимый хлыст Левиафана.

– Не смей, – Левиафан сузил глаза. – Убирайся, или я пожалуюсь Вельзевулу, что ты мешаешь мне работать и портишь имущество.

Дагон прошипел, что порядочные демоны живое имущество обновляют хотя бы раз в сотню лет, но убрался. Да, он наверняка попробует ещё, но они получили отсрочку. Слава... Оле, если быть честным. Но после этого Левиафан стал оставлять мальчишек в школе ещё и на продлёнку. На всякий случай. Как и следовало ожидать, в восторг они не пришли.

– Зачем ты дал ребёнку нож? – возмутился Левиафан, увидев, как Филипп тычет крохотным лезвием в столешницу, а затем суёт ножик в карман рюкзака.

– Это нож для моральной поддержки! – громко сообщил он. Оле нагнулся к уху Левиафана:

– Он не настоящий. И не острый. Просто Филипп сказал, что не чувствует себя в безопасности на продлёнке, и я подумал...

– Что теперь я должен не чувствовать себя в безопасности дома?!

– О, – нахмурился Оле. – Прости. Ну... можешь взять и себе нож!

Не будь в комнате детей, Левиафан сейчас точно кинул бы в голема чем-то увесистым. Иногда прямо не поймёшь, шутит он или действительно серьёзно! Как в тот раз, когда Левиафан вернулся домой под утро – а что, ночью люди тоже прекрасно искушаются! – и обнаружил на кухне пять мисок с пятью разными видами печенья. А ещё – усыпанных мукой и очень довольных Оле и Филиппа. Которые захотели печенья посреди ночи и почему-то решили, что испечь будет проще, чем добежать до круглосуточного магазина. И это при том, что раньше у них дома отродясь муки не водилось!

– И что это такое? – Оле постучал по странице. – Нет, это как понимать? И после этого я должен давать вам разрешение на колесо обозрения?

Филипп сопел, ёрзал, наматывал подол футболки на палец и исподлобья смотрел в дневник. Размашистая алая надпись в строке замечаний совершенно затмила собой аккуратные колонки расписания.

– Там высоко. Я не хочу колесо, – тоненько вставил Оскар.

– Поддерживаю, никаких колёс в моём доме, – рассеянно вставил Левиафан. Он поставил кружку на мойку и поймал взгляд Оле. – Что? По-твоему, в семь лет не рановато для колёс? Или вы о чём?

Вообще-то у мальчишек не было проблем с учёбой. Оскар так и вовсе считался маленькой звёздочкой: регулярно получал похвалы за рисунки, где, по счастью, уже не мелькали адские пейзажи, а потом ещё и детский конкурс чтецов выиграл.

– Эм... да ни о чём, я разберусь, – Оле быстро прикрыл страницу рукой.

А вот это уже интересно. Левиафан оторвал целлофановый пакетик, обернул руку – не хвататься же за обложку, мало ли где оно валялось – и одним движением выдернул у голема дневник. Открыл и перелистал:

– Воеет на уроке вместе с братом?..

– Я его петь учил! – возмутился Филипп.

– И это вся трагедия?

– Перелистни, – несчастным голосом сказал Оле, облокотившись о руки.

Левиафан перелистнул и закашлялся:

– Подложил учителю рисования чеснок в сумку, утверждая, что изгоняет из него... демонов?! – он поборол порыв просканировать ангелочка. Ясно, что браслеты не позволят ему очнуться, но... вот она, сущность, всё равно проявится!

Левиафан закрыл дневник и пошёл к детям. Плавно отодвинул Оскара, и тот плюхнулся на колени Оле.

– Знаешь, Филипп, ты меня прямо-таки разочаровал. Не думал, что ты, с твоими... задатками, можешь совершить подобную ошибку.

В хмуром взгляде Филиппа блеснула искра недоумения:

– Какую ошибку?

– Фатальную! – Левиафан сунул ему дневник. – Перепутать демона с вампиром! У меня нет слов! Покажи, в каком мультике учат такому, и я лично отравлю режиссёра. Дезинформировать население, что за люди...

Оскар распознал шутку и уже хихикал в голос, утыкаясь лицом в ладошки. Оле погладил его по голове и тоже улыбнулся – с заметным облегчением.

– А как тогда изгоняют демонов? – с живейшим интересом уточнил Филипп. – А то Паша видел, как наш учитель...

– Паше твоему надо настучать по голове, – Левиафан выдвинул ящик с овощами. – Марш спать. Демонов не существует. А я хочу чеснока.

Дневники хлопались на стол каждую неделю, и голем добросовестно расписывался в графе «подпись родителя или законного представителя». С той же регулярностью он проверял дневник электронный, ходил на собрания. Мальчишки ссорились с одноклассниками, но нико-

гда – друг с другом, и Оскар уже в открытую мечтал, что в будущем Филипп может поехать вместе с ним в Хогвартс и победить всех злых волшебников, за которых он теперь принимал демонов из воспоминаний.

А когда по вечерам Оле с мальчишками одинаково увлечённо смотрели «Команду «Мстители»», Левиафан даже чувствовал себя лишним в их беззаботной компании.

Но хуже было то, что в глубине души он сам потихоньку становился таким же. Ему почти нравилась нынешняя жизнь. А значит, с ритуалом стоило поторопиться.

Пока он не заигрался. Пока не стало поздно.

19

– Скажи, Леви, – Оле задумчиво крутил в руках фишку от лото. Мальчишки вечно разбрасывали их по всей гостиной. – Ты когда-нибудь думал о том, что можешь быть злодеем в чьей-то чужой истории?

– Ага. В своей. Причём официально, – фыркнул Левиафан. – Я грёбаный демон, к чему вопросы?

– Я не это... По-твоему, всё, что мы делаем, правильно?

Левиафан встал и скрестил руки на груди, нависая над Оле.

– А с каких пор тебя это волнует? Пересмотрел супергеройских мультиков? Ты не на ангелов работал все эти годы, голубчик. Нет никакого правильного и неправильного, есть лишь выгода и выживание. Весь мир – одна большая арена. Или мне надо опять объяснять тебе прописные истины?

Левиафан пнул попавшуюся под ногу коробку от игры и ушёл на кухню. Он нервничал. Последнее время всё вокруг только злило и бесило. Над ним словно нависла тяжёлая туча, и демон чувствовал, что вот-вот грянет гром. Или, может, гроза была только внутри него?

В отчаянии он даже начал курить – в основном по ночам, на кухне, когда мальчишки и голем расходились по комнатам. Он сидел в темноте и курил, выпуская дым в открытое окно, и раз за разом щёлкал пальцами, подогревая остывший чайник. Стояла зима, снег падал за окном медленными, редкими хлопьями, приглушая рёв припозднившихся машин. Левиафан выбросил в окно сигарету и потянулся за новой, когда в коридоре прозвучали лёгкие шаги.

В первую минуту демон вздрогнул и напрягся, но тут же понял, что зря – шаги были детские. Мгновение спустя в дверь просунулась лохматая голова и громким шёпотом спросила:

– А чего ты не спишь?

Левиафан хотел было сказать, что зло не дремлет, а он демон – ох, зачастил в последнее время с этой репликой, будто оправдывается... Но спохватился и тоже шёпотом ответил:

– А ты?

Очевидно, расценив это как приглашение, Оскар прошлёпал на кухню и с ногами забрался на стул, придвигаясь так близко, что Левиафан мог без труда разглядеть уши Чебурашки у него на кофе.

– Тебе вообще-то завтра в школу, – со вздохом заметил Левиафан и щёлкнул пальцами, заставляя чайник снова кипеть.

– Вау! – подпрыгнул Оскар. – Ты умеешь колдовать без палочки? Я думал, так только дети умеют!

Левиафан мысленно выругался: забыл.

– Нет, взрослые тоже могут, просто им сложнее, – он потянулся за чашкой, а затем, поразмыслив, достал коробку с травяным чаем. – Чего ты хотел? Опять кошмары?

Оскар кивнул и лёг подбородком на стол:

– Тебе они снятся?

– Нет, – честно ответил Левиафан. В такие моменты он понимал, почему демоны обычно не спят. Слишком уж много призраков прошлого поджидает в темноте. – Я же взрослый.

Он взял с полки пакетик и кинул в кружку, заливая кипятком.

– Везё-ёт, – Оскар повозил носом по столешнице и пробормотал явно где-то подслушанную фразу: – Почему жизнь так трудна?

Левиафан хмыкнул, поставил перед ним дымящуюся кружку и, взяв за плечо, вернул в вертикальное положение.

– Дуй, чай горячий, – он брызнул на стол, где только что валялся мальчик, антисептиком, и протёр поверхность. – Посмотри на этой с другой стороны: однажды ты наберешься сил и

опыта, сможешь вернуться назад... и отомстить всем, кто делал твою жизнь трудной. Я даже помогу. Но сначала вырасти.

Ребёнок неуверенно заулыбался, потянулся к кружке, осторожно зачерпывая ложечкой горячую жидкость. А Левиафана обожгла мысль: не вырастет. Не наберётся сил. Не сделает ничего.

И не только потому, что он демон с дефектом сознания: в конце концов, кто знает, он и так уже прошёл по пути реабилитации дальше, чем кто-либо. Просто в этой истории Оскару уготована роль жертвы. И уготовил её Левиафан.

В конце концов, не поэтому ли он так уверенно врал мальчишке про Хогвартс – знал, что до одиннадцати лет тому не дожить?

– У тебя всё хорошо? В школе? Никто не обижает?

Левиафан подался вперёд во внезапном порыве. Если в прошлый раз он лишь зашвырнул школьного завуча на Марс, то сейчас готов был сжечь неугодных Оскару людей живьём. Только бы сделать хоть что-то, чтобы хоть немного, хоть как-то иску... Левиафан даже сам себе не позволял додумать эту мысль.

– Не-е. Никто. А если бы и попробовали, Фил бы их треснул.

Его безмятежный голос точно отрезвил Левиафана. Демон выдохнул, медленно опускаясь на стул. Собственно, чего он вдруг взвился?

– Только, – продолжил свою мысль Оскар, – они со мной играть не очень любят. А с Филом – да. Получается, у меня нет друзей, только Фил и вы с дядей...

Ещё бы детишкам не нравилось играть с Филиппом. Ангелы созданы, чтобы внушать симпатию. Подумаешь, проблема, кому нужны друзья?

– У меня тоже только вы, – Левиафан пожал плечами.

И в следующее мгновение оказался в кольце тёплых детских рук.

Он вздрогнул, непонимающе уставившись вниз. Тёмная вихрастая макушка торчала у него под носом, волосы падали Оскару на лоб, открывая незащитную тонкую шею. Левиафан чувствовал, как дышит мальчик, как вздымаются и опадают у него рёбра, и сейчас он казался таким маленьким, доверчивым, слабым... словом, точно таким, каким и был.

А ещё он обнимал Левиафана. Пытался так помочь или нуждался в помощи сам? Ещё и обнимал так искренне, по-настоящему, тепло...

– Ну, ладно тебе, – пробормотал Левиафан голосом, в котором с трудом узнал свой собственный, и неловко провёл рукой по голове ребёнка. – Пойдём спать, а?

Он жил тысячи лет. Но подлецом себя чувствовал впервые. Так, словно все обманутые, увлеченные в Ад души сейчас посмотрели на него разом. Или... на ангела, которым он когда-то был.

– Пошли. Давай-давай, ножками, ты тяжёлый, – Левиафан мягко развернул мальчика в сторону выхода из кухни. Врал, конечно, просто знал: продлись тактильный контакт ещё пару секунд, и у него сдадут нервы.

– Я не хочу спать в крова-ати, – внезапно заканючил Оскар, шлёпая босыми пятками по коридору. Вечно он свои тапки где-то бросает. – Хочу на дива-ане.

Левиафан цокнул языком, но спорить не стал – открыл дверь в гостиную, и счастливый пацан с разбегу плюхнулся на диван.

– Может, тебе ещё и колыбельную спеть? – язвительно уточнил Левиафан, под покровом ночи доставая плед из воздуха и укрывая мальчишку. И тут же понял, как прокололся.

– Да! – ребёнок приподнялся на локте. Поймал фирменный взгляд Левиафана и тут же притих. – Ну... или ты можешь её включить. Пожалуйста.

Что ж, хоть понимает, что заставить Левиафана петь может разве что Армагеддон. Кстати об Армагеддоне...

– Давай-ка, достань ноутбук, – приказал он. Оскар тут же сел, гордо улыбаясь, вытянул руку в сторону шкафа, и спустя секунду ноутбук мягко соскользнул с полки и опустился на столик. Левиафан одобрительно кивнул и поднял крышку. Сериал про неслучившийся Армагеддон ему очень понравился. А уж колыбельная там была самой лучшей.

Go to sleep, and dream of pain...¹

Оскар свернулся клубочком и закрыл глаза, почти сразу начиная сопеть. Левиафан поставил композицию на повтор и сел рядом. Колыбельная была написана для маленького Антихриста, так что должна подойти и демонёнку, верно?

Sleep so sweet, my darling boy,

You will rule when Earth's destroyed...

Левиафан смотрел на спящего Оскара. На тени от ресниц на щеках, уткнувшийся в диванную подушку острый нос, лежащие поверх пледа тонкие руки. Вслушивался в ровное дыхание и понимал, что проиграл.

Он не сможет просто его убить.

Левиафан встал и прошёлся по комнате, борясь с желанием обеими руками вцепиться в волосы. Нет, нет, не может быть, чтобы все эти подонки, называвшие его слабаком, оказались правы. Целый мир! Власть, свобода, совершенство! И променять всё это на какого-то мальчишку?! Поддаться иллюзии тепла и ложной заботы – да-да, ложной, ведь Оскар привязан к нему лишь потому, что верит, будто Левиафан нянчится с ним по доброте душевной! Поступить так глупо, по-детски, даже хуже – по-ангельски сентиментально?

Ну уж нет! В этом мире нельзя позволять себе слабину, он понял это ещё в начале. Да он... да он сотню таких Оскаров создаст, когда все закончится!

Это тоже звучало как торг, жалкий, унижительный, но Левиафан вцепился в эту мысль всем своим сознанием. Ведь всё так – он будет всемогущ, сможет воплотить свои желания. Любые, какие угодно. Хорошая плата за неприятное убийство.

Светало. Левиафан потянулся, отдёргивая шторы. И тут же отшатнулся, заходясь в приступе дикого, удушающего кашля.

Ему показалось, что у дороги стоит, по-акульи скалясь, давным-давно мёртвый Вик.

¹ Колыбельная для Антихриста из сериала «Благие знамения».

20

Третий компонент нашёл ангелочек.

Уж от кого, а от него Левиафан точно не ожидал такой полезности. Мальчишки как раз вернулись из школы и переодевались, горячо обсуждая какой-то то ли фильм, то ли мультсериал. Дверь они оставили полуоткрытой, и каждое слово далеко разносилось по коридору.

– Нет, понимаешь, он оборотень! Человек и волк!

– Так человек или волк? – недоумевал Оскар, прыгая на одной ноге и пытаясь стянуть с себя брюки.

– Сложно сказать, – Филипп постучал козырьком кепки по кровати. – Ну, вот если оборотень превращается только в полнолуние, он, наверное, больше человек. А вот если каждую ночь, то как? Это же одинаковое время в том и другом виде.

– Человековолк, – хихикнул Оскар. – Или волкочеловек.

– Челолк.

– Волковек.

– Ночник.

– А это ещё почему?

– Ну, он же по ночам не спит.

– Ну ты даёшь! Ночник – это лампочка, а ты балда.

– Кто обзывается, тот сам так называется! – Филипп кинул в него подушкой-авокадо, и они устроили очередную потасовку. А Левиафан стоял у полуоткрытой двери и просто не мог поверить в услышанное.

Так просто? Всё действительно было так просто?

Он быстро восстановил в уме загадочную рунную вязь, над расшифровкой которой бился столько времени. Да, сомнений нет. Слово действительно может подходить двоедушнику – тому виду оборотней, которые перевоплощаются каждую ночь. Как правило, двоедушников проклинали ещё до рождения, и жили они, вопреки легендам, недолго: попробуй-ка каждую ночь ломать и сращивать заново все кости, а в промежутках ещё и носиться по местности, вредя окружающей среде! И это уж не говоря о том, что убить такого монстра всегда считалось милым делом, даже если монстру было лет пять. По сути, чем позже те начинали превращаться, тем больше у них возникало шансов дожить хотя бы до двадцати-тридцати.

Правда, сейчас двоедушники повывелись, так что найти подходящий объект будет сложновато. Но зато они знают, что искать! Схемы давно составлены, порядок ритуала выучен наизусть, нужные ангел и демон – прямо за дверью. В уравнении не осталось неизвестных!

Окрылённый, Левиафан кинулся на кухню:

– Нашёл! Я нашёл!

Оле, ставящий кастрюлю с борщом на плиту, глянул через плечо и чуть улыбнулся:

– О, привет. Погоди, сейчас подогрею мальчишкам ужин, и поговорим. И не волнуйся так, а то кашлять опять начнёшь.

– Да плевать! – Левиафан возбужденно махнул рукой. – Я разгадал третьего! То слово, которое вроде волк, но и не совсем, – это двоедушник! Осталось найти его, и мы можем завершать ритуал!

Рука Оле замерла над плитой, спина напряглась, точно готовясь к удару. Он молчал, казалось, целую вечность, а потом повернулся.

– Ну? – Левиафан вскинул брови, не понимая, почему тот не радуется. Почему не смотрит на него по-щенячьи преданно, почему не аплодирует демонической гениальности. Нет, не то чтобы Левиафану это было так уж нужно, просто... он привык.

Оле медленно отодвинул стул, скрипя ножками по полу. Сел, опёр подбородок на сцепленные руки. И наконец посмотрел на демона.

– Послушай, Леви, – он произнёс это как-то особенно чётко, проговаривая каждый слог. – Мы должны остановиться.

Сначала Левиафан подумал, что ослышался. Он даже засмеялся:

– Что? Остановиться? Оле, ты в своём уме? Когда мы так близко, зачем?

Оле выпрямился. Незнакомцу голем показался бы совершенно спокойным, но Левиафан знал его не первое столетие и различал в голосе тщательно скрываемую дрожь.

– Во-первых, – Оле загнул палец, – не забывай, что сам научил меня читать. Твоя затея может уничтожить нашу реальность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.